

Л.В. Кушнина

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Статья посвящена выявлению антропологического статуса теории перевода, объединяющего результаты междисциплинарных исследований в области лингвистики, синергетики, переводоведения. Представлена авторская концепция гармонизации переводческого пространства, рассмотрены перспективы развития антропологии перевода в свете данной концепции.

Ключевые слова: *антропология перевода, концепция гармонизации переводческого пространства, синергетика.*

Идея о междисциплинарной антропологии перевода принадлежит современному французскому исследователю, которого можно считать классиком переводоведения, – Ж.-Р. Ладмиралю. Филология, лингвистика, лингводидактика, культурология и многие другие гуманитарные дисциплины «питают» современную теорию перевода, которая, по утверждению учёного, из дисциплины знаний превращается в дисциплину размышлений: «*au lieu d'être une discipline de savoir, la traductologie est une discipline de reflexion*» [1, p. 21].

Если статус антропологической лингвистики, изучающей различные формы человеческой коммуникации, включая язык, определён исследователями, то антропология перевода до сих пор не является самостоятельным научным направлением. По своим задачам антропология перевода наиболее близка этнолингвистике, акцентирующей свое внимание «на взаимодействии языка и конкретной культуры» [2, с. 51]. Современные теории перевода также проявляют несомненный интерес к закономерностям межъязыкового и межкультурного взаимодействия, интегративный подход к изучению которого позволит представить феномен перевода как единое целое, вбирающее в себя достижения других наук.

В рамках данной статьи рассмотрим некоторые проявления междисциплинарного антропологического статуса теории перевода в свете разрабатываемой нами концепции гармонизации переводческого пространства. Введение концепта «переводческое пространство» послужило для нас основанием изучения синергетики перевода как нового видения процесса перевода, как особого переводческого мировоззрения, специфической переводческой картины мира.

Как явствует из содержания концепции переводческого пространства, она зиждется на нескольких подходах, что подтверждает междисциплинарный характер исследования.

Во-первых, мы исходим из фундаментальных положений современной лингвистики, истоки которой восходят к трудам В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра и других, относительно разграничения понятий: язык – речь – речевая деятельность и соотношения понятий: язык, мышление. Если с позиций теории перевода нас интересуют прежде всего функционирование языка, работа языкового механизма, его использование человеком в процессе коммуникации, то мы должны отдавать отчёт в том, что понимание этого механизма не менее существенно, особенно в связи с утверждением когнитивной лингвистики и соответственно, когнитивной теории перевода. Лингвисты единодушны в признании того факта, что язык постоянно существует внутри мыслящего человека, он присутствует в сознании всех членов языковой общности, в то время как речь появляется в определённые временные интервалы с целью организации человеческого общения в виде бесконечного числа речевых актов; их совокупность порождает феномен речевой деятельности.

Таким образом, единство и различие языка, речи, речевой деятельности, с одной стороны, и единство и различие языка и мышления, с другой стороны, как условие существования человека в социуме доказывают тот факт, что выявление закономерностей иноязычного/инокультурного межличностного общения невозможно без учёта этих условий, выступающих мощным антропоцентрическим фактором исследования. В переводческой деятельности, которую мы трактуем как процесс транспонирования смыслов из одного языка в другой, из одной культуры в другую, важнейшую роль приобретают когнитивно-аффективные факторы, определяющие стратегию переводящей личности. В условиях переводческого пространства они становятся источником эмотивных смыслов энергетического поля и индивидуально-образных смыслов поля переводчика. Именно когнитивно-аффективная составляющая переводческой деятельности обуславливает уникальность текста перевода, его вариативность относительно деятельности других переводчиков.

Во-вторых, мы опираемся на синергетическую идеологию, представляющую собой общенаучную теорию самоорганизации сложных и сверхсложных систем. Методология синергетики расценивается учёными как проявление позитивной эвристики, позволяющей понять и объяснить принципы описания сложных систем в природе, обществе, познании. З.И. Комарова следующим образом описывает современную концепцию синергетики: «это процесс самопроизвольного формирования регулярных структур в системах, для чего системы должны быть *диссипативными*, т.е. способными к рассеянию энергии; *открытыми*, т.е. иметь возможность обмениваться веществом, энер-

гией и информацией с окружающей средой; *нелинейными*, т.е. иметь возможность альтернативного изменения в точках *бифуркации*, т.е. раздвоения, разветвления, в которой система теряет свою устойчивость» [3, с. 274]. Напомним, что процесс перевода мы представляем как сложную систему транспортирования множества имплицитных и эксплицитных смыслов из одного языка в другой, из одной культуры в другую. Эвристическая природа перевода неоднократно подчеркивалась учёными в связи с тем, что процесс принятия оптимального переводческого решения принадлежит к эвристическим процессам. Что касается таких фундаментальных принципов синергетики, как диссипативность, открытость, нелинейность, наличие точки бифуркации, мы подробно описывали их в предыдущих публикациях [4 и др.] Здесь же подчеркнём, что именно синергетический подход позволяет нам понять и объяснить принципы гармоничного перевода, осуществление которого становится возможным при условии создания ментальной модели переводческого пространства в сознании переводчика. Ключевая идея синергетической модели перевода заключается в том, что интегральный смысл текста перевода есть результат синергетического взаимодействия смысловых полей переводческого пространства, которое осваивает переводчик. Это означает, что в условиях переводческого пространства осуществляется отбор наиболее совершенных и продуктивных способов организации системы смыслов оригинала и отбраковки контрпродуктивных, утративших свой энергетический потенциал смыслов; из веера возможных смыслов система выбирает те, которые наиболее естественно могут быть интегрированы в принимающую культуру, в связи с чем при переводе одного и того же текста возможности выбора практически безграничны и непредсказуемы. Таким образом, благодаря синергетическому видению мы смогли сформулировать гипотезу о строении и функционировании такой сложной системы, как перевод.

В-третьих, в центре нашего исследования – теория личности. Речь идёт как о личности переводчика, так и о личности других субъектов межязыковой и межкультурной коммуникации. Это отражено в полях переводческого пространства. Если в целом мы вычленим шесть полей, то три из них принадлежат субъектам переводческой коммуникации: автору, переводчику, реципиенту. На основании того, что смысл текста в принципе субъективен, мы делаем вывод о том, что ни автор, ни переводчик, ни реципиент не порождают и не воспринимают смысл однозначно. Каждый субъект переводческой коммуникации наполняет текст собственным смыслом, неидентичным смыслу другого, но соразмерным ему. Мы опираемся на результаты исследований В.В. Красных, изучающей основной субъект коммуникации человека говорящего – *homo loquens*. Ученый изучает феномен языковой личности, выстраивая следующую иерархию ключевых понятий: человек говорящий, языковая

личность, речевая личность, коммуникативная личность. Согласно В.В. Красных человек говорящий – это личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность, языковая личность – личность, проявляющая себя в речевой деятельности, речевая личность – личность, реализующая себя в коммуникации, коммуникативная личность – конкретный участник коммуникативного акта [5]. Для нас важно, что из предложенных учёным характеристик личность переводчика наиболее приемлемо описывать в терминах речевой личности, а не языковой личности, как это принято в теории перевода. В связи с этим приведём определение речевой личности полностью: «Речевая личность – личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств (как собственно лингвистических, так и экстралингвистических)» [5, с. 51]. В связи с тем, что мы исследуем закономерности процесса перевода, необходимо сосредоточить внимание на переводящей личности, которую мы относим к речевой личности. В своих работах мы выдвинули предположение, что переводчик, овладевающий в переводческом пространстве гармоничным мировоззрением, стремится стать элитарной речевой личностью. Это означает, что в качестве дискурсивных доминант переводчика выступают следующие: высокий уровень языковой и речевой культуры, соблюдение этических, стилевых, литературных, культурологических норм, уважение личности автора и личности реципиента, креативность, целесообразность, коммуникативная ответственность, толерантность.

В-четвертых, разработка антропологии перевода опирается на теорию текста. Мы исходим из интерпретации текста как единицы речи и единицы языка [6]. Трактовка текста как единицы языка направляет исследователя на изучение сущностных свойств текста, а его трактовка как единицы речи акцентирует внимание на актуализации сущностных свойств текста в конкретном акте коммуникации. Немаловажное значение мы придаем также трактовке текста как единицы культуры, о чем неоднократно высказывался Ю.М. Лотман: «Культура в целом может рассматриваться как текст. Однако исключительно важно подчеркнуть, что это – сложноустроенный текст, распадающийся на иерархию «текстов в текстах» и образующий сложные переплетения текстов. Поскольку само слово «текст» включает в себя этимологию переплетения, мы можем сказать, что таким толкованием мы возвращаем понятию «текст» его исходное значение» [7, с. 72].

В-пятых, неотъемлемой составляющей антропологии перевода выступает теория дискурса. Обращаясь к современным теориям дискурса, необходимо начать с истоков его изучения, которые мы находим в трудах М.Н. Кожинной: «При изучении речи – непременно под экстралингвистиче-

ским углом зрения, что, в свою очередь, и даёт возможность выяснить и действительно лингвистическую её специфику, – одним из исходных положений следует считать принципиальные связи и единство речи и мышления. Другим исходным положением описываемого метода, связанного с первым, и в общем определяющим, является принцип собственно стилистико-функциональный – зависимость стиля речи от выполняемой им коммуникативно-общественной функции, от задач общения в соответствующей сфере, которые, в свою очередь, определяются назначением, ролью в обществе той или иной сферы деятельности и общения, его спецификой, ибо все это обуславливает специфичные, закономерные и к тому же постоянные, а не переменные свойства речи» [8, с. 50]. Как видим, учёный оперирует терминами «речь», «задачи общения», «сфера общения», «сфера деятельности и общения», которые стали ключевыми в теории дискурса. Сам термин «дискурс», введенный в научный оборот франкоязычным исследователем Э. Бенвенистом, во французском языке переводится как «речь». В современной лингвистике существуют различные подходы к пониманию и анализу дискурса. Так, Л.М. Алексеева и С.Л. Мишланова выделяют три направления в трактовке дискурса: формальное, семантическое, прагматическое [9]. С точки зрения формального подхода дискурс понимается как речь, связный текст, речевое произведение. В рамках семантического направления дискурс предполагает наличие определённой области использования языка, и внимание акцентируется на социальной функции дискурсов. С позиций прагматического направления предлагается следующая трактовка дискурса: «Одной своей стороной дискурс обращён к прагматической ситуации, которая привлекается для определённой связности дискурса, его коммуникативной адекватности, для выяснения его импликаций и пресуппозиций, для его интерпретации. Другой своей стороной дискурс обращен к ментальным процессам участников коммуникации...» [9, с. 35].

В-шестых, при разработке авторской концепции гармонизации переводческого пространства мы исследовали зарубежные теории перевода, которые акцентируют внимание на смыслопорождающей деятельности переводчика. Особый интерес представляет для нас интерпретативная теория перевода (ИТП) М. Ледерер.

Создавая концепцию гармонизации переводческого пространства, мы опирались, среди прочих фундаментальных направлений современной транслятологии, на интерпретативную теорию перевода, зародившуюся во Франции в 60–70-х годах прошлого века. Подчеркнём, что её создатели Д. Селескович и М. Ледерер использовали результаты исследований великого русского мыслителя М.М. Бахтина в сфере монологичной коммуникации, так как многие закономерности порождения текста на родном языке универсальны, следовательно, могут быть экстраполированы на порождение текста пере-

водчиком на иностранном языке. В отличие от большинства лингвистических теорий перевода ИТП является коммуникативной теорией перевода. Как пишет Т.И. Бодрова-Гоженмос, «авторы ИТП обнаружили два важнейших для теории перевода аспекта. Во-первых, понимание, как и в монологичной коммуникации, сводится не к восприятию отдельных слов, из которых состоит текст, а к восприятию смысла, неотъемлемой частью которого являются экстралингвистические факторы. Во-вторых, оформление перевода опирается не на лингвистические или грамматические конструкции исходного текста, а наоборот, неразрывно связано с явлением девербализации, т.е. абстрагированием от словесно-грамматической оболочки понимаемого текста» [10, с. 45–46]. Важно подчеркнуть, что смысл текста не тождественен сумме значений составляющих слов. Конечной целью перевода учёные считают не тщательный подбор соответствий на языке перевода, а создание смысловых, нерегулярных, единичных, устанавливаемых для данного высказывания эквивалентов. При этом совпадение словарных соответствий является скорее исключением, чем правилом.

Переходим к нашей концепции. Представляя собой разновидность лингвокоммуникативных синергетических моделей, переводческое пространство становится местом действия законов синергетики, что обуславливает использование её концептуального аппарата: аттрактор, точка бифуркации, синергетический эффект (коллективное поведение), эмерджентность, смыслопорождение, гармонизация и т.п.

В своей концепции мы попытались найти компромисс между традиционными лингвистическими теориями перевода и современными коммуникативными теориями перевода, между текстоцентрическим и антропоцентрическим подходами. Мы представили перевод как систему смыслов, имеющую полевою структуру. Каждое поле порождает свой уникальный смысл, при этом мы разграничиваем три текстовых поля и три субъектных поля. Смысл текста перевода есть результат синергии смыслов всех его полей. Это означает, что переводчик одновременно или последовательно, осознанно или неосознанно, многократно анализирует текст, обращаясь к смысловым полям. В его сознании происходит порождение образа-гештальта текста, а затем согласование смыслов, определяемое как гармонизация, и в результате синергетического эффекта происходит порождение нового смысла. Так, текст перевода становится фактом другой культуры. Так реализуется миссия переводчика – взаимопонимание коммуникантов и обогащение культур.

Переводческое пространство – абстрактная ментальная сущность, имеющая синергетическую природу. Для его описания мы используем термины синергетики.

Поясним суть данных терминов и проиллюстрируем их функционирование в текстах оригинала и перевода. Как пишет Г.Г. Москальчук, «аттрактор в синергетике понимается как притягивающее множество... Флуктуации являются выходом за норму» [11, с. 50–51]. В процессе перевода аттрактор является тем значением, которое позволяет переводчику максимально адаптировать текст перевода к принимающей культуре. Это значение, по нашим наблюдениям, лишь в исключительных случаях выбирается из зафиксированных в словаре соответствий. Оно является результатом осознанного или неосознанного поиска или инсайта, Но главным образом оно представляет синергетический эффект как результат синергии смыслов различных полей переводческого пространства.

В качестве примера приведем фрагменты романа А. Иванова «Географ глобус пропил». Мы выявили четыре фрагмента текста, где одна и та же лексема «душа» переводится на французский язык по-разному:

1. *Душа моя – ледяной истукан.*
2. *Душа моя замерзает.*
3. *Душа моя ледяная.*
4. *Почему же душу мою гложет ощущение неминуемой вечной разлуки?*

Переводчик в качестве аттракторов выбирает следующие варианты: *je suis, suis-je, mon cœur, mon âme*. Иными словами, словарное соответствие используется в одном случае из четырёх. Приведем соответствующие контексты:

1. *Je suis comme une statue de glace*
2. *Mon cœur se fige.*
3. *Mon âme est de glace.*
4. *Pourquoi donc suis-je rongé par la sensation d'une séparation inévitable et définitive?*

Отметим, что выбранные варианты функционируют в достаточно небольшом текстовом интервале, а именно на следующих друг за другом страницах. Мы предположили, что разные точки притяжения обусловлены тем, что в рамках синергетической цепочки «порядок–хаос–порядок» динамика «упорядочения» смыслов проходит, во-первых, через различные образы-гештальты, порождаемые в поле переводчика, во-вторых, через различные уровни взаимодействий с другими смыслами, в-третьих, через доминирование различных смысловых полей, что и порождает уникальный синергетический эффект.

Как отмечает в своей работе Н.М. Дрожжащих, в результате синергетических процессов происходит «рождение смысла на более высоком уровне» [12, с. 40]. Синергетическое движение ученый трактует как «производство со-

положенными фонетическими, лексическими и грамматическими единицами устойчивых смысловых полей...., базовым механизмом которых является аттракция элементов и смыслов, или «взаимопритяжение» схожих элементов» [там же]. Изучая закономерности процесса порождения смыслов при переводе, мы убеждаемся в общетеоретической значимости выводов Н.В. Дрожащих. Именно лексическое взаимодействие в рамках определенного контекста на языке перевода, а также этнолингвокультурное взаимодействие в соответствии с конвенциями принимающей культуры побуждает переводчика не останавливать свой выбор на словарных соответствиях, а искать согласованное переводческое решение, осуществляя гармонизацию и синергию смыслов в переводческом пространстве.

Таким образом, мы рассмотрели несколько направлений исследований, совокупность которых может послужить основанием антропологической концепции перевода как самостоятельной дисциплины. Мы считаем, что включение компонента «антропо» в современную транслятологию позволит понять истинное предназначение всех интеллектуально-эмоциональных человеческих усилий, обеспечивающих качественную межличностную коммуникацию представителей различных лингвокультур и их полноценное взаимопонимание. Становление антропологии перевода в свете концепции гармонизации переводческого пространства открывает новые перспективы развития переводческого и переводоведческого дискурса.

Список литературы

1. Ladmiraal J.-R. De la subjectivité du traducteur aux conceptualisations de la traductologie // Au cœur de la démarche traductive: débats entre concepts et sujets. – CIPA, Nadia D'Amelio, 2012. – P. 15–27.
2. Новейший философский словарь. – 3-е изд. – Минск: Книжный дом, 2003. – 1280 с.
3. Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. – М.: Флинта, 2013.
4. Введение в синергетику перевода: моногр. / Л.В. Кушнина, И.Н. Хайдарова, С.С. Назмутдинова [и др.]; под общ. ред. Л.В. Кушниной. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2014. – 278 с.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
6. Мышкина Н.Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики: моногр. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1998.
7. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. – СПб.: Искусство-СПб, 2004. – 703 с.

8. Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1972. – 396 с.

9. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа: моногр. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2002. – 200 с.

10. Бодрова-Гоженмос Т.И. Интерпретативная теория перевода: основные положения, понятия и дефиниции // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр.: в 2 ч. – Вып. 7. – Воронеж, 2006. – Ч. 1. – С. 42–51.

11. Бекасова Е.Н., Москальчук Г.Г., Прокофьева В.Ю. Векторы интерпретации текста: структуры, смыслы, генезис: моногр. – М.: Спутник+, 2013. – 217 с.

12. Дрожжих Н.В. Введение в динамическую синергетику языка: моногр. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2012. – 252 с.

Получено 20.07.2014

L.V. Kushnina

TRANSLATION STUDIES AS INTERDISCIPLINARY ANTHROPOLOGY

The paper uncovers anthropological status of translation studies, summing up the results of interdisciplinary research in linguistics, synergetics, theory of translation. An original conception of translation space harmonization is outlined, development opportunities of translation anthropology in terms of the author's conception are discussed.

Keywords: *translation anthropology, translation space harmonization, synergetics.*